

# ШУМАДИНКА,

ЛИСТЪ ЗА

## КНЪИЖЕВНОСТЪ, ЗАБАВУ И НОВОСТИ.

Учредникъ и издатель Любомиръ П. Ненадовићъ.

ТЕЧ. IV. {

Овај листъ излази вторникомъ и петкомъ. Цена му е за три месеца 4 цванцика.

} № 46.

### МОРСКІЙ РАЗБОЙНИКЪ

(изъ Шпанске прошлости. Съ немачкогъ Ф. Н. Г.)

Вечернѣ сунце, замочило е свое златне зраке у бистро огледало мора, кое е жарке те полюбце, съ найвећомъ тишиномъ, као врло редко досадъ примало.

На пристаништу, подъ страховитовысокимъ стѣнама Гибралтра, белила се една лепа кућица, као зрно бисера изъ оловногъ прстена. Густе винове лозе, пужале су се узъ дуварове иѣне, а еданъ редъ дрва поморанци, украшавао е башту тогъ малогъ зданія, кое се само съ еднимъ катомъ надъ пріятнимъ приморѣмъ узвишавало. Са чардациѣна кућицѣ бую е прекрасанъ изгледъ на мимопловеће лаѣе, кое су са лепршаюћимъ се заставицама и ядрама у пристаниште улетале. Млада една девойчица замишљена, и на гвоздене решетке чардациѣна насловѣна претискивала е малу свою руку на срце, као да е хтѣла яко куцанѣ срца свогъ у грудима да задржи; на умильнымъ чертама лица нѣногъ видели су се ясни знацы нестрплена и немира.

„Та гди ли е до садъ?“ мисляше она у себи, кое су іой речи као плашљиво питанѣ и на устима се указивале, а у очима іой се суза страха светлила. Како е то злослутеће очекиванѣ!

Докъ е та красна замишљена непрестано на ону страну гледала, одъ кудъ іой е милый нѣнъ *Родриго* свагда долазіо, онъ е већ полагаано, преко мермерногъ спода до иза нѣ се прикрао, и са топломъ любовію загрли одѣдануць свою премилу.

„*Родриго*, како си могао тако дуго остати? Я самъ већ сумњала —“

„Немой се лютити, любезна Белла!“

„Та я се нелютимъ, алъ самъ невесела.“

„Опусти, моя намѣра ніе была да те сневеселимъ.“

„Ты іошъ незнашъ, шта мени бригу задае. Я незнамъ одкудъ то долази, да тако яко некій страхъ у себи осећамъ, као да ће се мени или теби каква несрећа случити.“

„Буди спокойна! Наша любовь моћна е заштита, одъ кое опасность бежи, докъ насъ годъ неузможну раставити, нема за насъ бриге; ерѣ насъ ћемо двоє заедно свако искушенѣ судбине радо издржати.“

„Алъ ако насъ узхтѣдну раставити, *Родриго* — ако“

„О, то ніе могуће! Ништа тебе одъ мене одтргнути неће моћи, па ма какве начине човечія сила употребила. Я ти се заклинѣмъ, *Белла*!“

„Башъ зато, што я на твой odporъ и мислимъ, боимъ се за насъ обоє. Ако се за нашу любовь дозна, онда си пропао, *Родриго*! Ты непознашъ тврдо срце оца мога. О, онъ е ужасанъ, кадъ се налоти!“

„Зарѣ бы онъ могао свою тврду строгость и надъ своимъ единимъ дететомъ употребити — надъ тобомъ *Белла*, кое милость у станю е и најгорчію мрзость обезоружати? Ніе могуће! Я ћу да покушамъ, да упорство тогъ човека свладамъ, признаћу му мою любовь: и іошъ данасъ просићу те одъ нѣга. Већ самъ дуго допустіо да се бринешъ, врло самъ дуго затезао се; садъ се пакъ мора рѣшити! Зарѣ да се вальда као какво страшљиво дете, за сѣнкомъ оца твога прикрадамъ, кадъ ми мое положенѣ дае право, да одважно предъ нѣга ступимъ и захтѣмъ, да дозволенѣ даде къ ономъ савезу кои ће срећу живота двоє любећи се основати? Ако ли пакъ узможе онъ наше најлепше надежде уништити — онда некуца чувствително срце у нѣговымъ грудма!“

„Я се страшимъ одъ тогъ изяснѣна између тебе и нѣга! Кадъ е последњи путь на море пошао, погледао ме е тако чудновато, као да е хтѣо мое најтайніе мисли дознати, а опетъ чинило ми се, као да е мою забуну, мой стидъ, съ изразомъ презирућегъ сажаленя сматрао, кое ме као ледена гроза крозь потрясе, кадъ онъ, узевши ме за руку, рече: „Я самъ те дуго саму и безъ обране овде оставляю, дете мое! Довешћу ти дакле едногъ пріятеля, кои ће твой будућій животъ чувати, будући да я већ у зиму мога живота ступамъ.“

„А шта си ты на то одговорила?“

„Я самъ ћутала и плакала — до оногъ самъ тренутка тако срећна была, да на какву промену стварій ни мислити нисамъ могла.“

„Зашто си твою бригу тако дуго одъ мене таила, *Белла*.“

„Ерѣ те нисамъ хтѣла сневеселити; алъ садъ, гди свакогъ тренутка на долазакъ отчинѣ изгледамъ, немогу ти далъ мой немиръ крити — онъ се неће дати умолити.“

„Та шта га тако високо надъ другима нѣму равнимъ поставля, да е радъ надъ свима да влада? У чему по-

стой та заповѣдничка моѣ, коіомъ онъ устрашава и саме оне коима бы требало да е нешто више, него господарь? "

"У нѣговой челичной воли талисманъ се нѣгове снаге налази. Нема земне силе, коя бы момъ оцу што учинити могла."

"Ты далеко идешъ у твоѣмъ страху, драга Белла! Та онъ е само човекъ, као и остали люди."

"Као и остали люди? Не, Родриго. Я самъ друге люди виѣала гди се смею или плачу — онъ нити може смеяти се ни плакати; нѣгово оштро око ніе никадъ сюзомъ нѣжности ил' жалости орошено, а да ли е икадъ и найманъи зракъ радости осеѣао — я незнамъ. Никадъ га весела ил' ведра, видѣла нисамъ, а често ме е у присуству нѣговомъ, нека тайна гроза стра ватала."

"Какву тужну младость морала си ты преживити! "

"Како кадъ. Кадъ бы само са моимъ другарицама овде састала се, ніе ми никадъ тако стра было, као после, кадъ се оне, изъ мени непознаты узрока, мало по мало натрагъ новуку, тако, да напоследку сасвимъ сама, са набуреномъ, но срдечно добромъ Лизбетомъ меѣу овимъ лядинама останемъ, па и саме посѣте оца мога све реѣе и реѣе буду."

"Па зашто те е, єдино дете свое, у ову усамљеность затворио, кадъ онъ у вароши највеличественію одъ своіу остали куѣа палату има."

"Зато га управо никада пытала нисамъ, ерѣ самъ у овой куѣици одрастла, па нисамъ никадъ ту желю осеѣала, да е оставимъ."

Садъ се нѣновъ говоръ, дошавицомъ Лизбетомъ превине, коя чисто безъ душе къ нѣной младай господични дотрчи, да іой яви, да треба што пре може да присуствіе Родригово сакріе, ерѣ се Донъ Діеговъ чунъ обали веѣъ приближуе. Но како ли е удивленъ нѣно было, кадъ іой Белла рече: "Родриго очекуе овде долазакъ могъ оца Либето! "

За то време, могли су се при вечерной тишини удари весала чути, кои су чунъ обали терали. Белла поѣе доле, да делазеѣегъ оца поздрави; но Родриго е тихо задржи, рекавши іой: "Донъ Діего неодолази самъ, онъ е речъ одржао! "

Белла се чисто препадне. Родриго претисне топаль полюбаць на чисто чело ове дѣвице, коя се страшливо на нѣгове прси наслони. Садъ се чуе отворанъ вратница, а мало затимъ почну се кораци новодолазеѣій, по мермерномъ ходнику разлегати.

Белла ніе смела очи свое подиѣи; Родриго пакъ оде са достоинствомъ домаѣину и нѣговомъ госту насусреть, кои нити хтѣдоше нѣговъ поздравъ одговорити, нити га сами каквогъ поздрава удостоише. Обадва стану предъ Белломъ, тихо се поклонивши.

"Имамъ радость, кѣри моя, да ти Донъ Мигуела, могъ најболѣгъ пріятеля и саюзника у радни моіой, представимъ, и увѣренъ самъ, да ѣешъ се потрудити, да гостопріимство дома мога, при овой честиуной посѣти, најсайніе оправдашь."

Белла покуша, да са немимъ осмѣхомъ одговори, но овай іой на устнама изумре, кадъ Донъ Діегово строго лице угледа. Нѣне очи потраже Родрига, кои е, уврѣненъ онимъ презрѣнъмъ коимъ е примѣнъ, само Беллинимъ присуствіемъ принуѣненъ быо, да се уздржи; затимъ погледа но готово са ужасомъ у немилогъ оногъ госта, когъ іой е отаць довео, и когъ е суроводивльи изгледъ выше на каквогъ Пирата (морскогъ разбойника) него на каквогъ честногъ морепловца наличію. Заиста и небы се за Донъ Мигуела приличніе име могло наѣи, него што се са рѣчию "подивляченъ ил' запуштенъ" изразити може.

Донъ Мигуелъ наличію е на какавъ стубъ одъ камена, когъ е природна тврдость дуго, ал' и пакъ узалудъ противъ бурѣ и времена борила се; Основный е видъ остао но нѣжне е сладости нестало, и само опора стѣна, коіой е облагороѣенъ нѣгда вредность давало, усправљена е была као развалина, предъ очима дѣвойке, коя ій одъ стра одма къ земљи обори.

Има тренутака у животу човечіемъ, кои покадшто читавомъ се вѣчношћу учине. Нѣой се чинило као да ѣе пропасти, общте ѣутанъ чисто ю е было къ земљи претиснуло; она е добро увидѣла, да се изяснити мора, но тога се изяснѣня ужасавала.

Родриго е іошъ непрестано стаяо на средъ чардака, као да га е неко чародѣйство за сподъ заковало. Онъ е морао добити уврѣненъ, да ли га Белла съ онимъ срцемъ любви, кое се ни одъ највеѣе жертве нестраши; садъ е рѣшителный часъ дошао, кои ѣе му све дати, ал' све и можда и одтргнути; осеѣао е, да му одъ нестрплѣня сви удови тѣла дркћу.

Белла се напоследку охрабри. Съ удивљѣня достоинь спокойношћу окрепне се она къ оной двоици, и рекне: "За свету дужность држимъ я, да треба захтѣваню гостопримства, колико ми силе мое дозволяваю, удовлетворити, но притомъ молимъ, да и Донъ Родрига Переца у ваше друштво примите."

При тимъ рѣчма оде она къ Родригу, и узевши га за руку, престава га са импонираюѣимъ движеніемъ оной двоици, кои су га намргоѣено сматрала, и као да іймъ е мучно было, што свой едъ и лютину немогу явно да излію.

Родригово очекиванъ одъ Белле было е само полакъ испунѣно; но и самъ е нѣно мучно положенъ познао, зато све случаю сасвимъ преда.

"Донъ Діего, вы ѣете зацело начинъ могъ появлѣня у вашемъ дому, мало за оправданъ држати, башъ и ако се доброта Донне Белле за мене заузима; но ако ми считаемъ Донъ Діего само неколико тренутака на само поклоніи, то самъ готовъ изяснити се, рекне Родриго."

Діего учини главомъ єдва примѣтный знакъ одобрѣня, и позове госта и остале, да у обиталиште ступе; Белла идуѣи напредъ уведе госте у великій редъ величественонамѣштены соба, по кои прозорима су разна растѣнія и мирисаво цвеѣе светлость и жаркость сунца закланяла, и пріятну мирисну полутаму распростирала: Она су се двоица тихо разговарала, Родриго е сматрао Арабеллу, коя е Лизбети налагала да воѣа и остали разладителны окрѣплѣня донесе. Каква е разлика была изме-

бу два ова Арабеллина просіоца, Мигуела и Родрига то сваки може мислити. Овај текъ садъ цвѣтаюћий младий, онај ломный већъ стараць съ найдивльимъ чертама лица!

Кадь се садъ воће и остале послатице донесу, и лепа кћи морскогъ трговца Діега исте на златномъ служавнику почне ий гостима давати, разпростре се у овомъ маломъ кругу као нека угодность, особито кадь домаћинъ, благороднымъ владаньмъ Родриговымъ умекшанъ, почне се истомъ любезнии показивати, и по кою лепу речъ рећи му, но Родриго ипакъ ніе никако мого заборавити онај увредителный дочекъ.

Напоследку почне Донъ Мигуелу присудствіе едногъ непосвѣненогъ у тайне нѣгове, досадно бивати; а такође ніе му непримѣтно остало да између Родрига и Арабелле неко споразумленѣ влада, па да бы ий што пре разставіо, трудіо се станіо стварій другій положай дати.

Діега погоди нѣгове мисли, па облакъ неповольности навуче му се на чело. Мигуель ту сѣнку примѣти, и као злобанъ, да бы га устрашио, окрене се къ Арабелли съ речма: „Донна! Вы мене іошъ не познаете, но то ніе штета, но Вы се неморате на мене срдити што самъ се я често потайно къ вама прикрадао, да бы ваше умилно певанѣ чути могао. Я самъ ту прекрасну тайну истина само украо, такве крађе нису казнителне. Почемъ дакле знате, Дона Арабелла, да самъ вашу вештину у певаніи познао, то ми вальда нећете одрећи ту доброту, да намъ єдну несмицу испевате. Смемъ ли вамъ я Мандолину донети??"

„Извините, Донъ Мигуель, я незнамъ оће ли мое —“

„Ай, ай! Чудна іогунства! Донъ Діега, та помозите ми молити. Ваша кћи пева прекрасно. — (продужиће се)“

## Г Р Ц И И Р И М Л Я Н И

(преводъ)

Има людій кои траже да смавѣ славу Грка, али нека говори ко шта оће, исторія грчка, нема благодарити за светило славе своє само великимъ людма, кои су є написали. Може ли човекъ бацити око на цео народъ грчкий, па непризнати, да се често у надмоћію човечіемъ появлює? Видимо по кои путь, да є савъ народъ великий као Темистокль, а праведанъ као Аристидъ. Може ли одрећи Салустъ, да су „Маратонъ, Термопиле, Саламина, Платеа, Микала, повратакъ десетъ иляда, и толика друга дѣла, извршена у нѣдрима Грчке за време домаћи ратова, узвишена надъ свакомъ похваломъ исторіописца. Та и Римляни побѣдили су Грке само съ Грцима. Пытамо каква бы была судба овы завладателя, кадь бы место Грчке, изнурене илядама порока, и ослабљѣне унутрашнимъ раздоромъ, наишли на оне полководце, войннике, управителѣ и оне грађане, кои су триумфирали надъ оружьмъ Ксеркса? Онда бы се борила храбрость са храбрости, военна строгость са строгости военномъ, просвета са просветомъ, любовь отечества, слободе и славе са любви отечества слободе и славе.

Особиту похвалу заслужує Грчка, што є произвела найславніе мужеве, кои споменъ треба исторія да сачу-

ва. Я невазимамъ републику Римску, коя є была свакий путь кадра зажарити духове, подићи даровите люде и рађати ий скоро посведневно. Ко се може сравнити са Ливургомъ, Темистокломъ, Кимономъ и Епаминондомъ и т. д.? Можемо слободно казати, да є величина Римляна дѣло цѣле републике. Ни єданъ грађанинъ Римскій ніе се узвиціо надъ своимъ векомъ и надъ мудрости правленія, нити є узео новий полеть, да бы му дао новий праваць. Свакий є Римлянинъ мударъ и славанъ само посредствомъ мудрости и славе свога правленія; онъ иде означенимъ путемъ, па и найславнии мужъ корача само мало далѣ, него што су други чинили. Напротивъ у Грчкой видимо често оне велике, моћне и ствараюће Геніє, кои противостаю току обичая, кои се посвећую свима разнимъ потребама државе, кои отвараю себи новий путь, и кои, бацивши се у будућность, постаю господари свои околдостій. Грчка ніе нигда искусила какво зло, кое небы давно предвидіо и предсказао когодъ одъ нѣны управителя; выше грађана грчки извукли су своє отечество изъ пропасти, у кое є пало, и поставили су га у найвећу саянность. А има ли тога Римлянина, кои бы казао своіой републики, да є нѣна завлаћеня воде у пропасть? Кадь се правленіе преобразило, кадь є проконзулима дата власть, коя ий ослобођава одъ ярма закона, ко є предсказао, да ће република бити побеђена собственимъ оружьемъ? Кадь се Римъ у свомъ паданіи колебао, кои є грађанинъ притекао у помоћъ и своіомъ мудрости уздржао несрећу, коя му є отечеству претила?

Одъ оно доба, одъ кадь су Римляни престали бити слободни, постали су найстрашльивіи робови. Грцы подчинѣни Филипомъ и Александромъ, нису очаявали, да ће опетъ свою слободу задобити: они су занста знали, учинити се независимимъ подъ наслѣдницима исты владателя. Да се у Грчкой подисло иляду Тирана, подигло бы се и иляду Трасивула.

Сатрвена напоследку подъ теретомъ собствены раздора и силе Римске, задржала є Грчка надъ своимъ побѣдительима некій видъ владе, али владе врло славне. Нѣна просвета и нѣнь вкусъ за науку, философію и художества, осветили су се тако рећи несрећи нѣной и подчинили іой гордость Римляна. Побѣдители постадоше ученицы побѣђены, започеше учити езикъ, кои су Омиръ, Пиндаръ, Тукидидъ, Ксенофонъ, Демостенъ, Платонъ, Еврипидъ и т. д. улепшали милинама свога виспреногъ духа. Риторичи, кои су донде цвѣтали у Риму, ишли су у Грчку, да придобію онај финий и утанчаный вкусъ, кои є врло редакъ и међу дарованіяма, и оне тайне художества, кое даю Генію нову снагу; єдномъ речи, они су имали да се изобразе у обаятелномъ дарованію, кое све улепшава. А у школама философіє, гди су се найотмѣнии Римляни отресли свои предразсуда, научили су се почитовати Грке; они су известили отечество своє о нѣной признателности, и Римъ є онда свой ярамъ са свимъ олакшао; єрѣ се бояо, да ће иначе злоупотребити право побѣде. Са своимъ добротинствама одликовао є Римъ Грчку између осталы држава, кое є покорио. Каква слава припада овой просвети, коя є поштедила землю, гди є однегована, одъ своіу зала, коя нису могли одклонити нѣнови законодавци, и управители! Просвета се освѣ-

тила пониженю, коє їой є незнанѣ наметуло, и знала є сте҃ни себи почитанѣ, кадѣ є нашла у Римлянина достойне уважателѣ свое славе и заслуге.

## СТАРИ АТИНИИ.

Атиняни су были народѣ поноситѣ и изображенѣ, мударѣ и ратолубивѣ, теже҃иї за славомѣ и задовољствомѣ, кои на высокой степе҃нь превосходства, подигнувши сва знаня и вештине, осудіо є све доцнїе векове на вечну нужду да му подражаваю и на очаянѣ, да ће га икадѣ мо҃ћи превази҃ти. Атинянинѣ є быо одатѣ сладкомѣ и прїятномѣ разположеню, пре него што є светѣ угледао. а и кадѣ га є угледао, видіо є само прїятне и примамљиве предмете; Атинянинѣ є изѣ младости научіо, управляти своя движенїя по благозвучности гласа и музике; онѣ є одѣ дѣтинства навикнуо свое очи на упечатлена найлешегѣ створа, коя є самѣ себи стварао. Атинянинѣ є прїю прва своя знаня изѣ найумилнїи стихова найблагозвучнїегѣ езика; нѣгова душа, преправљена на изменце насла҃женѣмѣ найкраснїи производа музике, живописана, каменорезаня и архитектуре, примала є у позоришту благородно упечатленѣ своіо знаня и вештина. Атинянинѣ є быо са свимѣ одатѣ милини краснорѣчїя; онѣ се грозіо на окове тирана, али є усрдно летіо у окове красноречивогѣ убе҃женя.

## МРВИЦЕ

— Путникѣ єданѣ, кои є све части света обишао, преповедаю҃и о редкостима, коє є овде онде видіо, наведе и то, да є видіо єдну такову редкостѣ, о коїой іошѣ досада ни єданѣ списатель ни рече҃це казао нїє. Редкостѣ є та, єданѣ бокорѣ купуса, кои є тако великїи, да на нѣговомѣ єдномѣ листу педесетѣ оружаня коняника, као у правомѣ рату, безѣ да єданѣ другоме и найманѣ на сметнїи буде, маневрирати могу. Єданѣ одѣ оны, кои су га слушали, нехтеде му лажѣ ту опровргавати, него сѣ найве҃шимѣ равнодушїемѣ придода, да є и онѣ много путовао, и да є чакѣ у Япану быо и тамо видіо, како су стотину казанїя на єдномѣ котлу радили, и како су петѣ стотина людїи у самомѣ нѣму, изѣ нутра, посла имали, докѣ су га како вала угладили. „Па нашто имѣ є быо тако грданѣ котао?“ Запыта путникѣ. „Та да тай купусѣ, о комѣ намѣ садѣ преповедате, у нѣму скуваю,“ одговори овай.

— Калифа Хегїасѣ, кои є врло свирѣпѣ човекѣ быо и кои є народу своє великїи стра задао, тумарао є выше пута тамо амо безѣ инакове пратнїи и безѣ инаковогога зна҃ка достоинства свога. Єданупутѣ у тумараню своемѣ най҃е на єдногѣ Арапа и рекне му: Прїятелю, я бы радѣ быо, да одѣ тебе чуємѣ, какавѣ є человекѣ Калифа Хегїасѣ. Калифа Хегїасѣ нїє никакавѣ человекѣ“ одговори Арапѣ, онѣ є тигарѣ, онѣ є чудовиште, онѣ є крвѣ выше одѣ хиляду подайника свои проліо. „А познаєшѣ ли га ты?“ „Я га непознаємѣ.“ „Дакле, ево га види, онѣ є то, што сѣ тобомѣ говори.“ Арапѣ се ни найманѣ неужасне, него га іошѣ гордїимѣ окомѣ погледи и рекне му: „А знаєшѣ ли ты, тко самѣ я?“ „Я незнамѣ.“ Я самѣ одѣ фамиліє

Зобера, одѣ коє свака душа има у години по єданѣ лудый данѣ. Тако є управо данасѣ мой лудый данѣ.“ Калифа се зачуди нѣговомѣ присуствїю духа и опрости му.

— Тврдица єданѣ чувши да другїи тврдица іошѣ болѣ одѣ нѣга тврдовати уме, оде кѣ нѣму и замоли га, да га у вештине той поучи. То є было у вече, и кадѣ є овай, држе҃ни парченце горе҃е све҃ице у руцы, чуо, шта овай одѣ нѣга жели, дуне, угаси све҃ицу и рекне му: Заповедайте унутра, мы се ве҃ѣ и безѣ све҃е о томе разговарати можемо. „Врло вамѣ лео благодаримѣ, одговори овай, я ве҃ѣ немамѣ шта выше одѣ васѣ чути. Доста ми є примерѣ тай.

## СТРАНЕ НОВОСТИ.

— Князь Іоанковѣ изѣ Севастополя одѣ 25. Мая явля: Данасѣ после подне тукао є неприятељ изѣ топова наше бедеме на левой стра҃ни. То бомбардиранѣ было є єдно одѣ найжеш҃и и трајло є одѣ прилике 3. сата. Мы смо снажно odporѣ давали. Две барутане неприятељске запалѣне су и отишле у воздухѣ, одѣ кои єдна є врло велика была. На разнѣмѣ точкама нашегѣ положеня све иде добро. На оба҃ли азовскогѣ мора нїє се ништа новогѣ догодило.

— Кодѣ Русчука састављенѣ є єданѣ логорѣ одѣ 12 хиляда Турака, а нико іошѣ управо незна, куда є ова войска опредѣлена. По ве҃ої части говори се да ће се кренути у Добручу.

— Турци намерни су помо҃гу саюзие флоте, да заузму Анапу; пошто освоє и заузму то место, онда ће се превозити Турци и Черкези на е҃глекскимѣ ла҃ама крозѣ керчески мореузѣ и нїи у Крымѣ саюзницима у помо҃гѣ.

— Писма са е҃глекске флоте, коя се предѣ Кронштатомѣ палази, являю: да ће се скоро и тамо нешто важногѣ и рѣшительногогѣ догодити. И сва се извѣстїя у томе саглашаваю да су се Руси умели ползовати прошломѣ зимомѣ, и да су своя прибрежїя яко утврдили. Поредѣ целогѣ Финскогѣ приморя, постављене су коняничке страже, коє о свакомѣ найманѣмѣ движенїю флоте посредствомѣ сигнала, командирима пѣхоте, коя далѣ у внутрєности стои, являю. Исто тако и поредѣ други морски прибрежїя постављене су войске. У Риги тако су се укрѣпилы, да се нїмало неплаше што се е҃глекса флота тако приближала; а за Ревалѣ каже єданѣ генералѣ да є сада болѣ утврѣенѣ одѣ Свеаборга. — У Сесвару, гдѣ єа да е҃глекса флота стои, говори се да ће Французи известя се на суво.

— Генералѣ Пеллїсїє явля изѣ Крима у Паризѣ: „Данасѣ 25. Мая почели смо споляши҃тѣ бедеме Севастополя ту҃и коє ћемо сутра сѣ божіомѣ помо҃гу мо҃ћи освоити.“ — 26. Мая у 11. сатїи у вече явля: „у 6 и по сатїи почнемо нападати, и после єдногѣ сата наши су се баряци вияли на Мамелону и на два шанца; неприятељска (руска) артиљерїя пала є у наше руке, 400. нїи заробљено є, наша є войска заузела освоєна места. Одушевленїе войске было є чудесно.

— „Мониторѣ“ явля да су саюзници у освоєнїимѣ шанцима нашли 62. тона, и да су 13 руски офицера заробили. Штета ме҃ду Французима была є тако҃е велика.

— Изѣ Крима являю да є врло яка и несносна вру҃нина наступила, али поредѣ све вру҃нине никакве се опасне болестї іошѣ неоявляю.

Течай новаца: сребро 129; дукати по 5 фор. 50 кр. ср. за банке.